

ХАРТ КРЕЙН

Перевод с английского Михаила Еремина *

Американский акмеист

Харт Крейн (1899—1932) — явственный поэт божией милостью, отчаянный и оголтелый искатель стихотворного слова, не подменяющего и не «отображающего», а обнаруживающего действительность. У нас таких было много, начиная с Хлебникова и Северянина, продолжая и пока завершая обэриутами и Мандельштамом. К. Вагинов — из той же, в духе Шостаковича, оперы. У «них» — то есть в Штатах — таких было мало, едва ли не один Харт Крейн, другие «искатели» под вопросом — под вечно открытым и открываемым вопросом о том, что есть поэзия.

В 1933-м Б. М. Эйхенбаум написал: «А поэзия должна строиться на неожиданностях — на сопряжении далеких рядов, на неточных, неиспользованных словах — на словах, которые богаты второстепенными смыслами, колеблющимися признаками, которые окружены сложной семантической атмосферой. Это требует изобретательства, создания словаря, открытия словесных пластов».

Он написал это о Мандельштаме, которого через год арестуют, через пять или шесть — убьют, и Мандельштам, в отличие от других, почему-либо неубитых и чудом уцелевших, так и останется «сопрягателем далеких рядов». А Харта Крейна, к творчеству которого в высшей мере применима приведенная цитата, в 1933-м уж год как не было в живых.

Через двадцать лет о нем писали так:

«Крейн постоянно воссоздавал слова изнутри, напрягая их значение до черты идиоматической; это постоянство — непреложный и несомненный признак таланта. Значения слов, по сути, всегда идиомы: в них есть свой сдвиг, у них своя жизнь. Мы сумеем овладеть ими и приобщиться к их жизни, лишь вдумываясь в эту идиоматику смысла, лишь воспроизводя ее» (Блэкмур Р. П. «Язык как жест», 1952).

---

* ХАРТ КРЕЙН — Стихи (Перевод с английского Михаила Еремина. Вступление В. С. Муравьева) // *Иностранная литература*, 1989, № 9, 26–30.

В журнальной публикации воспроизведен портрет Харта Крейна работы Сикейроса.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2007.
<http://www.imwerden.de>

Харт Крейн родился в городке Гарретсвилле, штат Огайо, детство и отрочество его прошли в Кливленде: все это на северо-востоке, в самой что ни на есть исконной Америке колонистов. Поэт он более всего нью-йоркский. Жил очень сумбурно и скандально, можно бы сказать — несчастливо, хотя в общем довольно удачливо в смысле поэтической судьбы. Только что отец с матерью донимали его своим затяжным разводом; а так — друзей у него было много, и все — по-американски надежные, талант его поэтический был признан в зародыше; печатался с восемнадцати лет,

Правда, не получил систематического образования (школа, а дальше — «свои университеты»), и критики-биографы ему по этому поводу наперебой соболезнуют, а некоторые считают, что оттого все и печали: неудачник, мол, недоучка... Грубое и глупое слово — как-то мы не адресуемся с образовательными попреками ни к Есенину, ни к Маяковскому, ни к Мандельштаму, ни к Хармсу, а ведь все они — «недоучки». Как-то у нас само собой разумеется, что поэзия — дело жизни и смерти (но скорее — жизни), что свидетельство его выполнения — стихотворное и что, скажем, докторский диплом ничего не прибавляет ни к достоинствам, ни к недостаткам стихотворца. У Крейна, перепробовавшего массу профессий, никакого диплома не было, и это не мешало принимать его всерьез при жизни и открывать посмертно все новые и новые достоинства в напечатанных и рукописных стихотворениях.

Тут возможен обратный, опрокинутый парадокс: именно потому, что стихи Крейна очень внимательно читались и чуть ли не на лету печатались в самых уважаемых журналах (в элитовском «Критерионе», например), да и сборники выходили — у него у самого возникла нелепая и неуместная академическая амбиция. Так, он решил «переэлиотить» самого Т. С. Элиота, написать в противовес «Бесплодной земле» поэму на тот счет, что Америка, разумея США, — новый культурный материк и общеевропейскому потоплению не подлежит. Написал, назвал ее «Мост» и напечатал (1930), расписавшись в недостатке образования: эта по-своему блистательная стихотворная сюита в качестве стихотворно-философского возражения Элиоту была, разумеется, несостоятельна,

Видимо, обозленный и расстроенный этой совершенно простительной неудачей (стихи-то удались! «Мост» и поныне — одна из самых читаемых и цитируемых американских поэм XX века), Крейн взял культурно-благотворительный аванс под еще одну «академическую» поэму, о конкистадорском покорении Мексики — и отправился писать ее на место событий. Не написал, и на обратном пути покончил с собой — бросился с кормы парохода «Оризаба».

Эта довольно-таки «американская трагедия», усугубленная — или, если угодно, обрамленная неумеренным употреблением спиртного и жизненной неустроенностью (американская критика, сердобольная, как пожилая тетушка, заботливо и досконально перебирает все огорчения Крейна, которые у нашего, русско-советского читателя могут вызвать разве что недоуменную улыбку) — не имеет ни малейшего отношения к тому лирическому волшебству, которое источали и источают стихотворения Харта Крейна, постепенно оказавшегося в центре американской литературной круговерти нашего века. Ценятся они все выше и выше.

Рискнем определить главное поэтическое свойство Крейна (не претендуя на открытие, а лишь суммируя американско-английские аналитические разборы) как глубинный семантический сдвиг, создающий ощущение головокружительной пластики, так сказать, музыки словесных очертаний, как бы вибрации внутренней формы слова. Как убедится внимательный читатель таких стихотворений, как «Голубиная почта», «Имя для всех» и «Сокрушенный храм», слова, скажем так, соединяются в колебательные контуры, и смысловой ток («мы, — как говорил Мандельштам, — поэты-смысловики») колеблет внутреннюю форму слов, связуемых заново и наново. Как гласит элементарная физика, при известных условиях в колебательном контуре возникает колебание, являющееся суммой его собственных колебаний — с одной частотой, и вынужденных — с другой. «Через некоторое время, — сообщает Физический энциклопедический словарь, — собственные колебания в контуре затухнут и останутся только вынужденные». Мне эта информация представляется символически уместной при суммарной оценке творчества Харта Крейна.

Его «словесничанье» (за которое его корили справа и ругая ругали слева) почему-то нынче кажется ничуть не менее нужным, чем великолепная поэтическая инерция таких его дивных современников, как Роберт Фрост или Робинсон Джефферс. И уж конечно — чем новации Э. Э. Каммингса или монументализм Уильяма Карлоса Уильямса в его стихотворных романах. Может быть, это нынешняя иллюзия, но иллюзия устойчивая.

Свежесть Крейна поразительна и пронзительна, «акмеистична» в том смысле, в каком писали об «акмэ», обновлении мировоззренческо-поэтического отношения к жизни, в манифестах «Цеха поэтов» Гумилев или Мандельштам. В том самом, в каком его, помимо всякой групповой принадлежности, обновляли Хлебников и поздний Кузмин, Хармс и ранний Заболоцкий.

Если бы не Харт Крейн, может статься, не было бы Теодора Рётке, освежителя и обновителя американской поэзии в 1940—50-е гг. А может, и ныне здравствующего Ричарда Уилбера не было бы.

Чтоб мы оценили его, чтобы ощутили эту свежесть и первозданную прелесть миротворного поэтического слова, нужен был перевод Крейна, а такое по заказу не делается — только по призванию и созвучию. Нужен был русский поэт, очень самостоятельный, которому понадобится английское многозвучие смысла затем, чтобы воспроизвести его по-русски. Подобное происшествие крайне маловероятно, но вот, как я слышу и вижу, случилось. Отныне у нас есть Харт Крейн в переводе Михаила Еремина. Будем надеяться, что подборка эта — лишь начало работы. Представления о творческом пути Крейна она не дает, о лирическом диапазоне его поэзии — дает.

В. С. МУРАВЬЕВ

Сокрушенный храм

Заутра слышится мне благовест пречистый
Уже зауспокойным звоном в память дня —
Из белизны епископального батиста
Пахнуло стужей преисподней на меня.

А виделось ли вам в тот час, когда рассветом
Охваченные звезды покидают небосклон,
Как из проемов силуэт за силуэтом
Ночные тени изгоняет карильон?

Колокола — их антифоны кладку свода
Расшатывают, и внедряют языки
Арпеджио в мой мозг, найдя во мне кустода
Из тех, чья преданность до гробовой доски.

Но купол есть предел энциклик обращения,
За коим голоса отходят в мир иной.
Бьют зорю звонницы, и эхом возмещенья
Ночных утрат озвучен весь простор земной.

Введением в непрочный мир я был обязан
Видению согласия любви, чей зов,
Равно как вопль отчаяния, предуказан
И лишь мгновенье слышен в хоре голосов.

Внимал, и речь моя в ответ лилась, но разве
Медноголосому царю эфира в тон
Она звучала? — Раны чаяний и язвы
Отчаяния бередит Глаголом он.

Как доверять горячечным приливам крови?
(Не кровью крепок храм, что сам я сотворил
Во славу истины, провозглашенной в слове
Неистинном.) Для вызова сокрытых сил

Не сладко ль вены отворить? Не для того ли
И вслушиваться в пульс, предвидя впереди
Восставшим ото сна, воспрянувшим на воле
Воинствующий сонм, теснившийся в груди?..

Не каменно храмовоздвѣжение, мною
На камне зиждимое, — вечный горний свод
Не камнем вымощен. Крылат и тишиною
Лазурных сфер объятый, зримо храм плывет —

На усыпальницы озер и на курганы
Святыищ, и на каждую земную пядь,
Запечатленную в душе и осияну
Небесным светочем, нисходит благодать.

Ответ

Теперь ты волен выбирать по нраву речи,
Не то что здесь, у нас, где слово свято
Лишь то, что может скрасить наши встречи,
Но брат при этом не глядит на брата.

Тебе круги повинной и суда.
Мне — благодать преходящего стыда.
А чтобы родилась живая речь,
Быть может, должен плоть рассечь искусный меч:

За верность время ненавистью мстит,
А слава, как и стыд, вгоняет в краску зори.
Спи, брат возлюбленный, — и стыд
Оставив мне и вздор о славе и позоре.

Купальщицы

Молочно море... И тела двух женщин цвета
Слоновой кости... И жемчужница рассвета
Мерцает, создавая фон для силуэта
Хребта. Видение ли, сон ли диво это?
Но нет ответа. Только лилии лениво
Перебирает зыбь — их ожерелье прихотливо
Легло на грудь молочно-белого залива.

Мы говорим: из моря вышла Афродита —
Вхождение девы в лоно вод людьми забыто,
И возвращенье мы воспринимаем как рожденье
Соединившей в красоте божественность и наважденье.

Голубиная почта

Вновь губы мои не шепнут «До свиданья», из рук
Твоих на мои не прольется, как было, вода,
Ведь гулкую раковину распластали, и звук
Морского прибоя безмолвием стал навсегда.

Но верность один окольцованный голубь хранит
И нежностью сердце мое окрыляет в ночи —
И ныне прекрасен в заветном кольце лазурит,
Хотя и померкли его голубые лучи.

Постскриптум

Фонтаны иссякли, и лишь при ущербной луне
Последние капли на вайях порой заблестят:
Пусть мрамор подобен надгробьям в глухой тишине,
Но я не молю о твоём возвращении в сад.

Грядущее так же не мной предопределено,
Как эта процессия траурно-мрачных стволов;
И саду теперь, как миражу, пропасть суждено
В тумане, который незыблемей клятвенных слов.

Имя для всех

Мелькает мотылек, петляет в воздухе пчела.
Все, им отпущенные, дни и ночи напролет
Они свободны — груз имен крылатые тела
Не отягчает. Видно, нам покоя не дает

Свобода безымянности, и потому подчас
И обескрыливает их жестокость наших рук.
А сами имена свои выносим напоказ,
Не понимая, что они пустой всего лишь звук.

О если б собственные имена людской язык
Отверг и в хоре тех, кому даны взамен имен
При сотворении плавник, копыто или клык,
Восславил бы единственное Имя всех времен.

Об авторах

ХАРТ КРЕЙН (HART CRANE; 1899—1932) — американский поэт и эссеист. При жизни помимо журнальных публикаций изданы стихотворный сборник «Белые строения» (*“White Buildings”*, 1926) и поэма «Мост» (*“The Bridge”*, 1930). Тексты переведены по изданию: *“The Complete Poems and Selected Letters and Prose of Hart Crane”* (New York, Doubleday, 1966).

ЕРЕМИН МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (род. в 1936 г.) — советский поэт, переводчик. Автор книги «Стихотворения» (издательство «Эрмитаж», 1986). Переводил английских, американских и ирландских поэтов: Т. С. Элиота, С. Спендера, У. Б. Йейтса и др., а также поэтов фарси и пушту, среди них Рудаки, Амир Хусрав Дихлави, Икбал, Хушаль-хан-Хаттак и др.